

ХАНС БЛЮМЕНБЕРГ

ОТНОШЕНИЕ ПРИРОДЫ И ТЕХНИКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА*

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-334-346.

Мир техники возникает и существует не только умозрительно, но и подручным образом. В нем нет ничего, что нам приходилось бы сначала принимать как данность и во что — лишь потом проникать путем познания. Техническая реальность такова, что она воплощается в жизнь в первую очередь на основе и в силу достигнутых знаний и выполненных вычислений. Однако когда мы озадачиваемся этими полностью исчислимыми вещами современного нам мира, а именно одним из наиболее неясных и неотложных вопросов нашей эпохи, то решение его будет неизбежно находиться на другом уровне, нежели тот, на котором обсуждаются предпосылки функционирования технических изделий. И все-таки, несмотря на ясное понимание всего комплекса остро стоящих проблем, мы далеки от того, чтобы — пусть даже приблизительно — сформулировать главный вопрос; мы даже не ведаем, в какой специфической области вероятных вопросов он может быть развит и решен.

1. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Прежде всего, существует распространенный взгляд, согласно которому эти наши вопросы в их совокупности относятся к некоему филиалу естествознания. Исторически техника формировалась как прикладное естествознание, и эта структурная преемственность, кажется, окончательно закрепились в характере и методологии ее проблематики.

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Петр А. Зеленский (ORCID: 0000-0003-1866-9549), Кирилл Б. Боденко (ORCID: 0000-0003-1166-2483) и [Петр К. Филатов] (студент НИУ ВШЭ), под ред. Александра В. Михайловского (ORCID: 0000-0001-9687-114X). Оригинал: *Blumenberg H.* Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem // *Schriften zur Technik / hrsg. von A. Schmitz, B. Stiegler.* — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. — S. 17–29.

Однако историческая действительность человеческой жизни с техникой не подтвердила этого основополагающего воззрения. Техника, как предметная область модерна, все более явственно выделялась из функциональной непрерывности природы и теперь выступает в новой, особенной констелляции, противостоящей природной действительности. Развитие технического сознания и воли прошло путь от простого *использования* природы на службе увеличения продолжительности жизни через все возрастающую *эксплуатацию* природы как резервуара энергии и сырья вплоть до притязания на радикальное и полное *преобразование* природы как чистой *materia prima* для применения человеческой власти.

Если принять во внимание эти взаимосвязи, *человек* последовательно предстает как принцип, в котором волевым образом полагается отношение между природой и техникой. Будучи существом, чье существование не гарантировано органической адаптацией к природной окружающей среде и чей модус существования задан самоутверждением и самопроизводством собственных условий жизни, человек порождает технику как ответ на бытийную проблематику своего вида. Человек *есть* существо техническое: недостатки своего природного устройства он восполняет технической реальностью. Таким образом, современные технологии — это не уникальное явление в истории человечества, а всего лишь осознание и волевое проведение в жизнь некоей необходимости, коренящейся в существе человека.

Но даже этот антропологический подход оказывается недостаточным перед феноменом техники. В качестве основной черты технической сферы все явственнее обнаруживает себя ее *автономия*, возрастающая неподконтрольность для человека, переименование его решений, желаний, потребностей посредством некоей динамики самой техники, навязывающей свой узнаваемый однородный *стиль* всем жизненным проявлениям эпохи. Внешнее и внутреннее господство техники над современными людьми отражено в популярной метафоре «демонизма техники», которая как раз прекрасно выражает нерешенное состояние проблемы. Разговоры об автономии и демонизме техники, о ее неизбежном совершенстве подготавливают и оправдывают приближающуюся капитуляцию перед лицом мнимой необходимости. Они вынуждают довольствоваться апорией, лишь усугубляя отчаянное положение, и тем самым отсекают истинно философский путь, ведущий от апории к постановке проблемы. Если, однако, философия не готова довольствоваться близоруким видением и прибегать к поспешным абсолютизациям, то

у нее как минимум сохраняется шанс проявить здоровую подозрительность в отношении этих расхожих формулировок, вместе с которыми наивное сознание заглаживает парализующий яд смирения.

Как следует оценивать возможности философии в этой ситуации — вот вопрос, который приобретает значение только в более широком историческом горизонте.

2. ПРИРОДНОЕ И ИСКУССТВЕННОЕ СУЩЕЕ В ГРЕЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ

В понимании бытия греками бытие и природа, οὐσία и φύσις, — почти синонимы. Что определяет сущее как сущее, так это то, что оно довлеет само себя из себя, а не через привходящее, есть то, что оно есть по сути, его характер основанности-на-самом-себе (οὐσία). Однако эта главная черта сущего как сущего считывается с сущности природы: природное сущее имеет принцип своего бытия и становления (ἐντελέχεια) в самом себе. Растения и животные становятся и остаются *из самих себя* тем, чем они могут стать и быть в генетической взаимосвязи природы. Эта генетическая взаимосвязь самодостаточна, не требует никакого внешнего привнесения: каждое существо всегда происходит от существа себе подобного (εἶδος). Единство природы как такая генетическая связь постоянных основных форм не требует вопроса о некоем начале; его можно понять изнутри самого себя и только как единство бесконечной во времени связи: ἐξ ὄντος γίγνεται πάντα¹. Понятие «природа» охватывает и реализует понятие бытия.

Но как характер бытия *изготовленной вещи* соотносится с этим основным понятием? Его происхождение — навык (τέχνη), и кажется, что оно не стоит в самодостаточном и бесконечном контексте природы, но берет свое *начало* с полагания, которое представляет собой скачок внутри непрерывности видовых форм. Лишь углубленная интерпретация античного термина τέχνη показывает, что то, что произведено, также заимствует свой характер бытия из внутренней взаимосвязи природы, а то, что существует через τέχνη, может быть названо сущим только в силу такого заимствования. Человек, как носитель τέχνη, не является *радикальным* принципом τέχνη ὄντα. Он сам по сути есть то, что он есть, будучи целиком и полностью членом генетического единства природы, причем настолько, что его можно постоянно иметь в виду как образец этой самодостаточной взаимосвязи: ἐξ ὄντος γίγνεται πάντα ... ἄνθρωπος

¹ «Все возникает из сущего». Аристотель, *Метафизика* 1069b 19 (Здесь и далее перевод цитат, приводимых Блюменбергом, выполнен А. В. Михайловским. — прим. ред.).

γὰρ ἄνθρωπον γεννᾶ². Человек есть часть космоса — он не над ним или вне него. Он — живое существо, которое отличается от других видов этого рода наличием логоса (ζῶον λόγον ἔχον). Этот логос является воплощением особого отношения человека к космосу в том смысле, что он способен «собрать» сущность космоса в себе как понимание и знание (λέγειν изначально — «собирать»). Все возможности этого «человека» определяются благодаря обладанию логосом, основываются на нем, а значит, то же относится и к его рабочему навыку τέχνη. Из-за своей связи с природой эта шноровка теряет видимость спонтанного и самобытного радикализма и насилия: τέχνη возможна только тогда, когда осуществляется реализация отношений человека с природой, основанных на логосе. Это подтверждается тем, что, например, Аристотель допускает только постепенное, но не существенное различие между работой (ἔργον) человека и «работой» растений и животных. Логос обосновывает только большее количество возможностей, но не какую-то существенную разницу в действиях. Таким образом, лишь в силу надстроенности технического (τέχνη ὄν) над природным φύσει ὄν оно само есть сущее (οὐσία), некий вторичный модус природного бытия, и всякая попытка вырваться из него вопреки логосу и тем самым вопреки сущности человека была бы бессмысленным насилием (βία) и похищением у сущего его бытия (στέρησις).

На таком толковании отношения между природой и техникой, которое следует путеводной нити определенного понимания сущего как основанного в самом себе, покоится античный взгляд на иерархию человеческих способностей, преобладание θεωρία над πράξις; теория делает практику возможной не только потому, что она представляет собой предшествующее и высшее инструментальное условие, но и в первую очередь потому, что она имеет подлинный и существенный доступ к бытию и, таким образом, становится основой для всех производственных заимствований и изменений практики, однако исключает чистое насилие. Этим четко заданы как статус свободы, так и сама свобода действий.

3. ПЕРЕВОРОТ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ NATURA И ARS ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ТВОРЕНИЯ

Самосознание человека как члена гомогенной природной взаимосвязи (Naturzusammenhang), осмысление свободы из простора (Spielraum)

² «Все возникает из сущего. [...] Человек рождает человека». Аристотель, *Метафизика* 1069b, 1070a 8.

заданного устройства мира, основывание τέχνη на собранном в логосе космосе — таковы были перекликающиеся аспекты античного понимания бытия, которое дает называться бытием в узком смысле только природе, выстраивающейся бесконечно из себя самой в генетической взаимосвязи своего постоянного оформления, в то время как созданное (werkhaft) сущее в качестве сущего может пониматься только как производное от этой смысловой области. Радикальный, новый взгляд на отношение природы и техники, а тем самым и высвобождение пространства действия для ничем не сдерживаемой технической свободы может развиваться только из фундаментального изменения в самом понимании бытия.

Что делает этот переворот, то есть открытие новых возможностей мышления и деятельности, столь радикальным? Заранее можно сказать, что *самодостаточность* природы и ее действительной взаимосвязи как фундаментальное онтологическое измерение надламывается. Это производит сильнейший эффект: природная взаимосвязь теперь должна пониматься как конечная во времени, в связи с чем вопрос о принципах и структурах ее имманентного протекания перекрывается вопросом о *начале*, вопросом, который обретает свой смысл только вследствие того, что космос и бытие больше не совпадают, что космос больше не является θεῖον ὄν сам по себе, как и не содержит его, но, напротив, может быть постигнут в своем бытии только через *иное* себе самому, из которого он и будет иметь начало. Бытие сущего больше не усматривается в генетической взаимосвязи и не основывается на ней в полной мере; природа гораздо более начинает походить на τέχνη ὄν, чем на φύσει ὄντα. Происхождение природы, если проследить всю его последовательность, кончается на Ничто как на невозможности ее самодостаточного основания, которая отнимается у нее актом божественного насилия, «creatio ex nihilo», в корне своем техническим первичным действием, радикальнейшим *скачком*, который мышление способно схватить лишь как предел своей рациональной способности. Здесь сразу же происходит и резкий переворот отношения между природой и техникой, который необходимо рассматривать как средоточие «обращения» (conversio) античной онтологии. *Свобода* получает свой смысл не из данного бытия как природы, но, наоборот, природа получает свой смысл через первоустанавливающую божественную свободу, через безусловное «Quia voluit»³ решения о творении.

³Августин, *О книге Бытия, против манихеев* 1, 2, 4.

Но каково положение *человека* в этом новом отношении науки и техники? Человек более не описывается через свое участие в природной взаимосвязи, он теперь не просто «природа», и в своей сути (*Wesen*) он более не зависит от природной основы. Его исключительность ни в коем случае не связана, прежде всего, с его избранностью и предназначенностью к спасению (а именно это обычно отмечают как единственную причину), которые изымают его из укорененности в природном целом, но она проистекает уже из его *происхождения*, которое не просто не вписывается в рамки остального творения, но изначально полагает отдельного человека в самой сути его существа как единственное, первичное и непосредственное проявление божественной мощи. То, что душа отдельного человека не появляется из природной взаимосвязи, но происходит через один-единственный акт творения из руки Божией, как минимум закладывает основание для радикальной самовзращенности (*Eigenwüchsigkeit*) и автономии человека от целого природы, в котором он все еще феноменально укоренен. Человек по существу своему может входить в оппозицию и антагонизм с природой, вступать в отношение власти и насилия над природой — эта возможность становится осмысленной лишь в горизонте христианской онтологии. Отличие христианского *креационизма* от античного *генерационизма* во взглядах на происхождение души имеет необозримые скрытые последствия для будущего отношения к миру западного человека. Только человек, который своим бытием не *происходит* из природы, но *вставляется* в нее, благодаря чему он не является «природным» и не находит в ней бесспорного образца для своей экзистенции, есть потенциально «технический» человек, вынужденный жить в антагонизме с природой.

4. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАОСТРЕНИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИЕЙ

Гетерогенность природы и человека обостряется уже на почве христианского понимания бытия до трагического *зияния* (*Hiatus*) посредством пронизывающего всю христианскую экзистенцию осознания выбора первого человека, вследствие которого факт невыполнения первоначальной заповеди сделался определяющей чертой человеческого существования. Человеку, направившему свою свободу *против* желанного для Бога бытия, так или иначе не удастся избежать необходимости влачить свою скорбную жизнь *с помощью* и *в силу* этого бытия. Первородный грех делает природу противником человеческого самовластья (*Selbstbesitz*); жизнь человека, как показывает 3 глава «Бытия», оказалась с того

момента наполнена страданиями, лишениями и трудом того самого «вопреки» (Und doch) его вынужденного жительства в природе, которая не является более основанием его существования и готовым источником жизни, — он ввергнут в нее скорее как ослушник. Непреодолимое различие между свободой и необходимостью, происходящее из греха, обрекает его на существование, которое состоит из страдания, труда в поте лица, насилия, то есть является, по сути, «техническим». Тем не менее это различие ставит человеческой воле недостижимую цель, но одновременно и такую, от которой невозможно отказаться: привести экзистенцию и природу, «быть вынужденным» и «мочь» (Müssen und Können), свободу и необходимость к чистой гармонии. Неслучайно на пороге Нового времени происходит не только подъем естественно-научного мышления как инструмента технической реализации, но и реформаторское обострение осознания грешности, а значит и углубление разрыва между экзистенцией и природой. Хотя современная техника и является «применением» современного естествознания, однако происходящая здесь динамическая транспозиция познания в область реального имеет свое достаточное основание не во внутренней взаимосвязи между наукой и техникой самими по себе, а в следствиях, вытекающих из того самого положения экзистенции в природе. Условия становления специфически современной формы экономики были хорошо исследованы; что же касается техники, то анализ духовно-исторических причин ее происхождения — дело будущего.

5. СНЯТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО РАЗДЕЛЕНИЯ МЕЖДУ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ (GEBRAUCH) И НАСЛАЖДЕНИЕМ (GENUSS)

Против нарисованной выше картины можно предъявить весомый аргумент: как, несмотря на такие фундаментальные установки, Средневековье — эпоха христианской онтологии — могло быть таким поразительно нетехническим периодом? На это стоит сказать не только то, что в Средневековье подлинно христианские порывы решительно сдерживались и скрывались рецепцией античной метафизики, которую нельзя недооценивать. Есть еще одно возражение: быстрому воплощению этих импульсов препятствовала особенная черта Средневековья, желавшая ослабить острые потребности мира и посюстороннего существования «sub specie aeternitatis». Этот взгляд лучше всего характеризует августиновская формула, ограничивавшая мир *uti* — использованием — и видевшая в *frui* — наслаждении — абсолютную цель. Значение этой установки для *сдерживания* возбуждающего технического творчество инстинкта

проявилось в конце Средневековья: к важнейшим предпосылкам специфически технического и экономического развития Нового времени принадлежит снятие различия между *uti* и *frui* — между использованием и наслаждением. Необходимое пользование природой достигает своей полноты только как свободное и самодостаточное наслаждение.

Становится все более явственным, что определение техники как *применения* современной науки недостаточно для *объяснения* ее места в картине Нового времени. Ведь то, что познание *не* довлеет самому себе и что оно не может успокоиться в самом себе, но, наоборот, требует выходящего за собственные пределы применения, вовсе не является чем-то очевидным. Античность видела в познании и знании, получаемом через него, высочайшее, а также наиболее законченное воплощение человеческого стремления, как об этом свидетельствует начало аристотелевской «Метафизики». Ответ на вопрос, в силу чего в начале Нового времени знание перестает быть самодостаточным, не исчерпывается утверждением «Оно *стремится* к применению». Более точным представляется толкование, согласно которому современная наука посредством исторического само- и миропонимания напрямую *призывается* к своей инструментальной функции, более того, ее собственный подъем решительно провоцируется через предшествование (*Voraussein*) технической воли. В философской перспективе общепринятый порядок следования науки и техники переворачивается вверх ногами.

Все последствия снятия фундаментального средневекового различия между использованием (*Gebrauch*) и удовольствием (*Genuß*) не поддаются оценке. Инструментальное использование мира, имеющее в виду потустороннее благо, по сути своей *конечно*, а вот наслаждение миром (*Weltgenuß*), которое абсорбирует простое использование, наоборот, *бесконечно*. Замена конечной картины мира на бесконечную, которая в целом характеризует порог эпохи Нового времени, тоже служит хорошим маркером этой исторической линии. Пусть следствия будут видны позднее, однако в принципе здесь уже совершился решающий переход — переход от использования природы и применения ее законов к ее же безоглядному разорению и покорению, то есть к чистому, замкнутому на себе динамизму техники. Внутреннее противоречие основной установки, которая нацелена на *удовольствие*, но имеет в качестве условия *труд*, во всей остроте прорвется наружу впервые уже в конце технического развития.

6. ЕДИНСТВО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАУКИ, ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ВЛАСТИ НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Представленные здесь онтологические взаимосвязи подтверждаются еще более определенно, если обратить внимание на почти не замечаемое единство предпосылок, связывающих происхождение современного *искусства* с происхождением современной *техники*. Латинское слово «ars» — наследник тех значений, которые носило в греческом языке слово τέχνη: искусство и технология в сегодняшнем словоупотреблении — это разворачивание первоначального «ars» человека, «искусства», которое можно понимать как единую способность человека творить. Общая новизна нововременных искусства и техники — это взгляд, который человек сформировал относительно своих способностей к реализации воли к удовольствию. Момент удовольствия, наряду с творческой силой самого художника, является одной из основ нововременной эстетики. Новый взгляд человека на собственную способность творить можно понять, только рассмотрев ситуацию, сложившуюся в гуманитарном знании в позднем Средневековье и определявшуюся *номинализмом*.

Тогда в основном по теологическим причинам вера высокого Средневековья в познавательную силу разума значительно пошатнулась: доступ к сущности сущего, возникшей из бесконечной свободы Бога-Творца, закрыт для ограниченного разума человека. Совокупность наших знаний есть только результат практик наблюдения за миром и выживания в нем, подтвержденный и обоснованный как «правильный». Поэтому термины — это только «nomina», а не «concertus», а «правильное» и «неправильное» выражают только домостроительную функцию внутримирного ориентирования и устройства жизни. Но тем самым вся наша познавательная способность с самого начала приобрела характер, который можно с уверенностью назвать «техническим»: она не прислушивается к сущему, которое от нее и так закрыто, но изначально является творческой, производя полностью и всецело человеческое единство понятий и законов, имеющее отношение только к человеческим задачам внутри мира. Наши *знания* — это уже искусство и технология в одном, «ars humana», которое лишь вторично разделяется на «произведения искусства» и «технические изобретения», как их понимали в Новое время. Впервые человеческая *автономия* выступает как главная черта приближающейся эпохи; но в ее истоке находится не самовозвеличивание и самонадеянность человека, а ответ на нужду, проистекающую из ощущения себя чужаком в этом мире и забвения истины божественного

замысла о нем. Первостепенны не избыток и изобилие силы, а ее развертывание, подчиненное *необходимости*. Поскольку созданный Богом мир не может стать нашим собственным, человек обречен на нужду строить свой мир своими силами.

Однако данная природа, скрытая в своей сущности и постигаемая в научных количественных измерениях только как «*res extensa*», становится просто *сырым материалом* для «*ars humana*». Стиль отношений с миром, фундамент которого был описан выше, настолько глубоко укоренился в духе Нового времени, что даже сегодня широко распространен в мире, разделенном на Восток и Запад: «покорение природы воле человека» звучит как программа, которую формулируют все более и более четко. То, что технический специалист из американской лаборатории рассказывает о смысле своей работы, вполне созвучно проектам, которые пропагандирует Восток: «Здесь мир создается во второй раз!» Насколько скрытой была эта саморефлексия технической воли до недавнего времени и насколько явной она стала сегодня, очень хорошо показывает история тех «заменителей», которые, будучи изначально *скопированными* с природы, сегодня представляют собой огромный комплекс технических средств — с помощью них природа уже сама *моделируется* и производится.

Предложенное объяснение исторического контекста, из которого возникла современная техника как ни на что не похожий феномен, подтверждается при попытке понять более широкий спектр идей и концепций, знаменующих начало эры Нового времени как смыслового целого. Сюда же относится спор эпохи Возрождения о сущности искусства как *imitatio* или *inventio*; в этой связи впервые приобретает значение концепция *изобретения*, которая позже станет специфическим признаком всей технической сферы. Ключевая фигура эпохи раннего Нового времени *Леонардо*, который не случайно был и художником, и техником одновременно, подтверждает единство источников обоих феноменов. Теми же факторами приходится обосновывать и появление концепции политической *власти* как притязания на рационально-техническую определенность судеб государства и общества.

Теология пытается сохранить человеческую автономию как божественное предназначение в рамках христианства; как говорил *Николай Кузанский*, один из основоположников *эксперимента* по подчинению природы человеческому познанию: «O Domine ... posuisti in libertate mea

ut sim, si voluero, mei ipsius. Hinc nisi sim mei ipsius, tu non es meus...»⁴ Программная концепция «reformatio» также попадает в данный контекст. *Марсилио Фичино*, провозглашая эту реформацию, замысливает ее в универсально-космическом масштабе и видит реализованной на примере искусства⁵: божественной «formatio» природы соответствует человеческая «re-formatio», которая становится заботой человека, потому что он по определению не укоренен в первом творении так, как укоренен в своем собственном. Дистанция между существованием и природой всегда будет онтологическим фундаментом. *Декарт* требует jeter par terre (сбросить, уничтожить) все, что исторически и естественно предзадано (prévention), чтобы расчистить место для радикального, происходящего «ex nihilo» проекта науки и морали; концепция единства науки как проекта является по своей сути «технической». *Джамбаттиста Вико* только использует другие слова, когда пытается понять все виды человеческой деятельности как поэтические; он первым включает историю в область «ars humana».

Таким образом, становятся видимыми очертания интерпретации, которая стремится понять характерные признаки Нового времени, науки, техники, искусства и власти в единстве их происхождения из исторического смыслополагания бытия. Проблема техники не может быть вырвана из этого единства как нечто, что нужно формулировать или решать отдельно.

7. «ВТОРАЯ ПРИРОДА» МАШИННОГО МИРА КАК СЛЕДСТВИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОЛИ

Против трактовки истории современной техники как последовательного развертывания некоего единого имманентного принципа выдвинуто одно веское возражение. Ортега-и-Гассет в своих «Размышлениях о технике», ценных описательно, но недостаточно обоснованных онтологически, указал на существенные различия, которые должны быть рассмотрены в области техники между «инструментом» и «машиной».

Можно ли и это различие, которое действительно нельзя упускать из виду, тоже интерпретировать исходя из онтологических принципов, продемонстрированных выше, или это нечто радикально новое? Было

⁴«О Господь [...] (ты) дал мне свободу, чтобы я был, если бы захотел, самим собой. Следовательно, если бы я не был самим собой, ты не был бы моим [...]» (De visione Dei VII).

⁵De christiana religione XVIII.

показано, что человек Нового времени сталкивается с исключительной необходимостью технического миростроительства — потребностью, которая из осознания собственной силы была превращена в «добродетель», а именно сделана достоинством, гордостью и *ύβρις* человеческой автономии и самодостаточности. Именно благодаря внутренним тенденциям этой всемирной задачи первоначально аварийное решение поднимается до уровня «второго творения», которое проявляется в созданных вещах, существенно не уступающих первому творению. Поэтому, коль скоро то, что было создано в первом творении, понимается опять-таки как «природа», как нечто основанное на самом себе, на своем творческом действовании, «второе творение» должно стремиться обрести этот бытийный ранг, а это значит, оно может достичь совершенства только во «второй природе». Характерная черта природного бытия, а именно что оно несет в себе начало своего формообразования и свою собственную функцию, закономерно переносится на область технических средств. Это и есть импульс к развитию автомата, машины, функционирующих «из-себя-самих» явлений современного мира, которые могли казаться тем более адекватными «первой природе», чем больше она понималась по лекалам «мирового автомата». Эта схема истолкования природы не возникает в первую очередь из стремления технического человека распространить свои представления на все вокруг, но она сама впервые сделала возможной концепцию машины как преобразования понятия природы в техническом ключе.

Тот факт, что машина «производит», что для нее существует промышленное применение, является лишь более поздним и второстепенным признаком, поэтому существенный переломный момент — это не изобретение промышленной машины (в 1825 году был изобретен механический ткацкий станок), а скорее восходящая к барочному, «игровому» миру автоматов мечта о «вечном двигателе», абсолютном техническом «из-себя-самом». Однако ключевым словом этой сущностной тенденции технического отношения к миру как ко «второй природе» является катастрофическое понятие (*Unbegriff*) «организация», которое предполагает органическое как продукт некоей конструкции.

Но усматриваем ли мы сейчас все возможные следствия из концепции «второй природы», которую подразумевает нововременное понимание бытия? Заключено ли притязание на «безусловное произведение» («un-

bedingte Herstellung»), как назвал Хайдеггер техническую волю⁶, во «второй природе» совершенного машинного мира, или сама безусловность этого мира такова, что он не терпит ничего, кроме самого себя, иными словами, что «вторая природа» не только дает силу и власть к *снятию* «первой природы», но и в соответствии со своей сущностью побуждает к развертыванию этой власти? Знакомство человека с этой последней фазой возможной реализации техники только начинается.

Blumenberg, H. 2022. "Otnosheniye prirody i tekhniki kak filosofskaya problema [Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem]" [in Russian], trans. from the German by P. A. Zelenskiy, K. B. Bodenko, and P. K. Filatov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 6 (3), 334–346.

HANS BLUMENBERG

DAS VERHÄLTNIS VON NATUR UND TECHNIK
ALS PHILOSOPHISCHES PROBLEM

Translation of: Blumenberg, H. 2015. "Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem" [in German]. In *Schriften zur Technik*, ed. by A. Schmitz and B. Stiegler, 17–29. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-334-346.

⁶Heidegger M. Über den Humanismus. — Frankfurt am Main : V. Klostermann, 1947. 88. Русский перевод приводится по изданию: Хайдеггер М. Время и бытие. — М. : Республика, 1993. 287. Библихин предпочитает переводить «unbedingte Herstellung» как «всеохватывающее изготовление» (А. М. — прим. ред.).